

Журнал

КОРПОРАТИВНЫЙ ЮРИСТ

Люди / Герой

«Справедливости в России можно и нужно добиваться правовыми методами»

Сергей Водолагин начал свою карьеру в Нигерии. На заре российского бизнеса ему пришлось выручать обманутых моряков из чужой страны. Управляющий партнер юридической фирмы «Вестсайд» много знает о мошенниках и злоупотреблении правом. Сергей рассказал, как разоблачить мошенников, на что будет ссылаться полиция во время кризиса, как бороться с непрофессионалами и что нужно сделать в первую очередь, чтобы выжить в нынешней сложной ситуации.

Сергей, где Вы работали до того, как открыли свою компанию?

Я учился в МГИМО на факультете международных отношений, хотел быть дипломатом. Мое первое место работы было в посольстве СССР в Нигерии. Я проработал там четыре года, сначала вице-консулом, потом консулом. Но я всегда чувствовал себя юристом. Консульская работа по большей части юридическая, там возникало много сложных ситуаций. Это был конец 80-х начало 90-х годов. Мы в Нигерии встретили развал Советского Союза, над посольством меняли флаг с советского на российский.

У меня был достаточно большой опыт работы с мошенниками, которыми известна Нигерия. В одном из случаев было создано российско-нигерийское совместное предприятие, которое получило кредит под залог российских морских судов. Это были средние черноморские сейнеры, которым не разрешено было даже из Черного моря

выходить. А их отправили в Нигерию. Но сами они дойти не могли, им требовалась дозаправка, поэтому с ними шел специальный корабль-дозаправщик. Их никак нельзя было использовать в Нигерии, они не подходили по техническим параметрам, и там никому не были нужны. Но их туда отправили вместе с экипажем как залог, чтобы показать, что они существуют: семь судов, под которые получили кредит и благополучно оставили в далекой Африке вместе с экипажами по 11 человек на каждом. Обещанную зарплату им не заплатили. СП, получив кредит, перестало существовать, а более 70 моряков несколько месяцев жили на борту пришвартованных в порту судов. В тяжелых условиях, на африканской жаре, без средств к существованию и возможности вернуться домой. Ситуация у них сложилась критическая, несколько человек умерло.

Им ничего не оставалось делать, как требовать от посольства отправить их домой. А у посольства денег нет, нам даже зарплату платили с большими задержками. И пришлось искать возможности хотя бы как-то обеспечить существование брошенных за границей людей, у которых ни копейки не было в кармане. Кстати, это было вскоре после распада СССР. Паспорта у них были советские, но по факту, я так понимаю, они были гражданами Украины. Но тогда я не мог отказать им в помощи по формальному признаку: все равно это были наши люди. Я ездил по российским морским судам, которые стояли в порту Лагоса, собирал для этих моряков еду, медикаменты. А потом договаривались с работавшими в Нигерии российскими компаниями, которые помогли отправить моряков домой.

Сейчас главное — беречь кадры!

По завершении командировки в Нигерию я поступил в аспирантуру международно-правового факультета МГИМО, защитил диссертацию и параллельно начал заниматься практической работой в области юриспруденции. Первая юридическая фирма, где я был партнером, появилась в 1994 году. С самого начала я работаю в сфере, связанной юридическими аспектами международного бизнеса: коммерческие сделки с иностранным элементом, иностранные инвестиции, сделки по слияниям и поглощениям, международные споры.

Мы не можем опустить тему кризиса, вызванного вирусом по всему миру. На что можно надеяться бизнесу?

Нужно проявлять здравый смысл и готовиться к непредвиденным ситуациям. Мне недавно попал на глаза журнал «Форбс» за сентябрь 2019 года с заголовком на обложке: «Инвестиции 2020. Где вспыхнет новый кризис?». Кто мог тогда предсказать, что через полгода вспыхнет пандемия коронавируса и обвалятся цены на нефть? И сейчас сказать,

как повернется ситуация и как поведут себя коронавирус и цены на нефть, — никто не может. Мы все живем в обстановке усиливающейся неопределенности, вызванной целым рядом факторов. Самая крупная прошлая пандемия — «испанка» конца 10-х годов прошлого века — унесла десятки миллионов жизней, многие предприятия стояли закрытыми по многу месяцев, целые населенные пункты вымирали... Сейчас, я очень надеюсь, таких последствий не будет в силу иного уровня развития науки и техники, многое будет зависеть и от того, как будут реагировать правительства.

Что касается юридических аспектов кризиса, то тем, кто затронут текущими обстоятельствами и не в состоянии из-за них исполнять свои обязательства, нужно приводить в действие положения гражданского законодательства об обстоятельствах непреодолимой силы. Нужно извещать контрагентов о возможных нарушениях, стремиться обеспечить предсказуемость в гражданском обороте, чтобы не получалось, что сторона по сделке вдруг уходит в никуда и ее больше невозможно достать. Нужно сохранять деловую этику, соблюдать обязательства по мере возможности. Если нельзя их соблюдать, то во всяком случае — сообщать об этом контрагентам. Важно сохранить хоть какую-то стабильность.

Юридическим компаниям на что сейчас нужно обратить внимание?

Главное — беречь кадры! Нужно стремиться сохранить коллектив, продолжать работать в изменившихся условиях, искать для этого любые возможности. Для юридической фирмы ее юристы — главный актив, поэтому важно его не утратить за время кризиса. Необходимо продолжать работу. А работы у юристов сегодня может прибавиться.

Как ни странно, кризис для юридических фирм — время жатвы. Это время, когда идет повальное нарушение обязательств и все обращаются к юристам, чтобы те, кто пострадал от такого нарушения, мог отстоять свои права, понял, что нужно делать, чтобы минимизировать свои убытки. Это повторяется от кризиса к кризису. Так было в 1998 году, так было в 2008 году, точно так же происходит и сейчас. Я уже чувствую, что у меня есть несколько проектов, которые связаны с последствиями кризиса.

В одном случае — это российская организация, которая поставляет оборудование от иностранных производителей. Иностранные производители должны обеспечить монтаж, пусконаладку оборудования, обучение российского персонала, но их представители не могут сейчас приехать в Россию, потому что у них в стране введен полный запрет на выезд за границу и на работу всех предприятий. А мой клиент, российская компания, в результате не может исполнить свои обязательства перед покупателем. Что делать? С одной стороны, это форс-мажор, который возник в Австрии, а с другой стороны, формально говоря, не считается обстоятельствами непреодолимой силы неисполнение обязательств контрагентом. Для австрийцев — это форс-мажор, а для российского партнера это может и не быть расценено как форс-мажор.

Что касается мер, принимаемых правительством для поддержки экономики, то здесь не все однозначно. Мораторий на банкротство может подействовать, а может и не подействовать. При этом неизвестно, каково будет его реальное влияние. Ведь и сегодня институт банкротства работает не так, как должен. Зачастую банкротство — это способ для недобросовестного должника избавиться от долгов. Идея моратория на банкротство, видимо, заключается в том, чтобы отсрочить предъявление требований кредиторами, а в реальности эффект моратория может заключаться в том, что недобросовестные должники не смогут использовать банкротство для мошеннического погашения своих обязательств. А в целом мораторий на введение процедур банкротства означает лишь то, что не будут проводиться формальные процедуры. Это не спасет бизнес от вымирания.

Также не очевидно, в чьих интересах окажется мораторий на взыскание долгов. Мне кажется, что здесь используется какая-то перевернутая логика. Сторона, нарушившая обязательство, оказывается в выигрыше, потому что к ней невозможно предъявить претензии, а кредитор, чьи права нарушены, не сможет их эффективно восстановить. У недобросовестных участников правоотношений появится дополнительная возможность злоупотребления правом с помощью ссылки на мораторий на взыскание. А добросовестный кредитор поставлен в невыгодное положение. Разве это правильно?

И еще один вопрос. Установили нерабочие дни с сохранением заработной платы. «За чей счет банкет?». Если работники не работают, то за что оплачивать? Я не имею в виду работу юристов. У нас в кризис работы прибавляется, большую ее часть можно делать онлайн.

Но существуют профессии, где нужно личное присутствие работника, дистанционная работа невозможна. В таких случаях пожелание сохранить заработную плату в отсутствие работы для многих, особенно мелких и средних предприятий, может оказаться просто невыполнимым. И если малое предприятие не может преодолеть экономические трудности, оно не сможет исполнить свои обязательства и перед контрагентами по бизнесу, и перед неработающими работниками, то есть погибнет как экономический организм. И неважно, введен или нет мораторий на формальную процедуру банкротства.

Вы не раз работали в условиях экономического кризиса. Расскажите об этом.

Кризисы и колебания валютного рынка, которые возникают во время кризиса, могут играть как отрицательную, так и положительную роль, это зависит от того, на какой стороне баррикады вы находитесь. Например, в 1998 году я представлял иностранную организацию, которая была кредитором в процедуре банкротства. Требования моего клиента были номинированы в долларах, тогда закон это допускал. За несколько дней курс рубля по отношению к доллару упал в четыре раза, и мой клиент в одночасье стал мажоритарным кредитором и получил полный контроль над процедурой конкурсного производства. Иностранная организация смогла распорядиться своим вновь сложившимся положением, и значительная часть их требований была удовлетворена, что для российских процедур банкротства большая редкость.

Как относиться к сложившейся ситуации? Как ее пережить?

Я люблю юридическую профессию, потому что в ней всегда присутствует азарт. Когда ты выступаешь в суде, выигрываешь дело — здесь есть некий игровой момент. Всегда есть элемент неожиданности, непредсказуемости. И если в деле «потусторонние» силы не участвуют и не влияют внепроцессуально на принятие судебного решения, то решение получается справедливым. В суде ты должен доказать свою правоту, убедить судью. В кризисе тоже есть определенный азарт, определенный интерес, неожиданные ситуации. Нужно рекомендовать клиентам что-то, чтобы они могли выходить из сложных ситуаций с наименьшими потерями.

Кризис — это время зарабатывать деньги или время зарабатывать репутацию?

Это вещи, которые друг другу не противоречат. По большому счету, если бизнес хорошо зарабатывает, это значит, что он хорошо работает и приносит обществу пользу, соответственно у него должна быть хорошая репутация. Если есть деньги, а репутация плохая, то это какой-то неправильный, нечестный бизнес. С моей точки зрения, юридический бизнес — это честный, светлый бизнес, который стоит на страже справедливости, поэтому мы можем себя проявить, в том числе и во время кризиса. Что касается денег, то кризис, это, конечно, ситуация обоюдоострая, потому что работы добавляется, а денег у клиента может и не быть...

Суды закрыли. Что будет происходить в судах, когда все это закончится?

Я не думаю, что все это грозит какими-то большими сложностями. Все сейчас с эпидемией приостанавливается, замедляется, в том числе и деловые процессы. И юридические процедуры будут притормаживаться, и потом, по мере выхода из кризиса, они будут восстанавливаться. Сейчас у меня проходит процедура банкротства, в которой необходимо привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, но эта процедура затормаживается, заседания отменены, поэтому мне сложно для клиента вовремя взыскать

деньги. В это время лица, которых будут привлекать к ответственности, могут дополнительно сгруппироваться, предпримут специальные приготовления, чтобы уменьшить вероятность своего привлечения. Мы в свою очередь будем тоже над этим работать, чтобы не допустить негативных последствий. Безусловно, кризис оказывает отрицательное влияние, но я верю, что глобально все восстановится.

Есть юристы, которые используют свои знания, чтобы правами

злоупотреблять

В каких отраслях часто злоупотребляют правами?

Злоупотребление правом — к сожалению, широко распространенная практика. В России получил распространение потребительский экстремизм. Эта тема сейчас очень актуальна в связи с тем, что есть юристы, которые используют свои знания о праве для того, чтобы правами злоупотреблять. И это, конечно, явление, требующее внимания и юридического сообщества, и законодателя.

Наш [закон](#) о защите прав потребителей предусматривает для продавца или изготовителя товара неустойку в размере 1 процента в день от стоимости товара за день просрочки, то есть 360 процентов годовых, таких ставок нигде в мире нет. Когда вводилась эта неустойка, ставка рефинансирования ЦБ исчислялась десятками и сотнями процентов годовых. В то время 1 процент за день просрочки было соразмерной санкцией. А сейчас ключевая ставка Центробанка составляет 6 процентов. Ей каким-то образом соответствуют ставки банковского процента, существующие на рынке. А 360 процентов никаким экономическим реалиям уже давно не соответствует. Это то, что надо менять в законодательстве. У злоупотребления правом в потребительской сфере существует конкретная причина, которую нужно ликвидировать: снизить размер штрафных санкций, на которые может претендовать потребитель.

Другое дело, захотят ли этим заниматься Правительство и Государственная дума, потому что с электоральной точки зрения это будет, наверное, не очень популярное решение. Никто не захочет брать на себя за это ответственность. Но в этом заинтересован бизнес: производители и торговые организации, как крупные, так и малый бизнес. Бизнес нужно защищать, и не только от государственных проверок, коррупции, злоупотреблений власти, но и от злоупотреблений со стороны потребителей, которые в этом случае ничуть не лучше оборотней в погонах. Снижение установленной в [Законе](#) о защите прав потребителей неустойки в размере 1 процента за день просрочки могло бы стать реальной государственной мерой по антикризисной поддержке бизнеса.

В каких еще отраслях распространены злоупотребления правом?

Достаточно широко распространены злоупотребления правом работниками в отношении работодателей. Как [закон](#) о защите прав потребителей защищает потребителя, так и [Трудовой кодекс](#) защищает работника. И недобросовестные работники этим пользуются. У нас есть положительный опыт борьбы со злоупотреблениями трудовыми правами.

В одном из дел бывший топ-менеджер компании при увольнении подписал с сотрудником трудовой договор, предусматривавший необоснованно высокую заработную плату, а также огромные компенсации за досрочное расторжение договора. Недобросовестный работник обратился в суд за взысканием задолженности по заработной плате, компенсаций за вынужденный прогул и расторжение трудового договора.

Судебный процесс длился более года, и к моменту вынесения решения сумма требований истца с учетом увеличения компенсаций превышала 11 млн руб. Нам удалось доказать в суде, что на самом деле, несмотря на то что трудовой договор формально подписан, трудовые отношения фактически не возникли, и суд отказал в иске в полном объеме.

В другом споре мы представляли интересы крупного дистрибьютора медицинской техники, у которого возник спор с новой сотрудницей бухгалтерии.

С первого дня работы сотрудница, представившая недостоверную информацию относительно своей предыдущей трудовой деятельности, отсутствовала в рабочее время на рабочем месте, не выполняла поручений. Через две недели она совсем перестала выходить на работу, обратилась в суд с требованием о взыскании задолженности по заработной плате, компенсации за задержку выплат.

Она также написала заявления в трудовую инспекцию и прокуратуру. За период рассмотрения спора сумма требований существенно увеличилась в связи с начислением компенсации за задержку выплат. Мы убедили суд в том, что имеет место злоупотребление правом, в связи с чем истцу было полностью отказано в удовлетворении требований.

Бизнес нужно защищать

от потребителей

Такие результаты рассмотрения судами трудовых споров нетипичны, поскольку бремя доказывания всегда лежит на работодателе, а суды чаще становятся на сторону работника, считая его слабой стороной в споре. Как видно, это не всегда так.

Надо ли бороться с юристами, которые злоупотребляют правом?

Злоупотребление правом, то есть использование своих прав во вред кому-то, по закону недопустимо. И сейчас наш ГК в значительной степени уделяет внимание добросовестности контрагентов. Если контрагент заключил договор и его исполняет, а потом передумал и вдруг нашел в договоре какое-то положение, которое противоречит закону, он сегодня не вправе требовать признания договора недействительным. Раньше существовала жесткая норма, в соответствии с которой любое противоречие закону имело своим следствием ничтожность сделки. Сделка считалась недействительной вне зависимости от признания ее таковой судом. Недобросовестные контрагенты, которые по каким-то причинам решили не исполнять свои договорные обязательства, пользовались этим: находили некое формальное противоречие договора закону и заявляли, что договор ничтожен.

Иногда такие мелкие нарушения намеренно закладывались в договор, чтобы при необходимости было формальное основание считать его ничтожным. Теперь закон дает все меньше возможностей для такого поведения. Что касается тех юристов, которые помогают недобросовестным потребителям — если это адвокат, то здесь имеет место нарушение адвокатской этики. Но поскольку у нас нет адвокатской монополии и многие юристы не являются членами адвокатуры, то данные инструменты в отношении таких юристов не действуют. Этические рычаги в данном случае к ним неприменимы.

Ваша компания много лет на рынке. Что изменилось в юридической профессии? Юристы стали слабее или сильнее?

Общество меняется, и юристы меняются. Мы переходим в онлайн, появляются электронные сервисы, законодательную базу можно посмотреть в онлайн-сервисах. В этой связи все ускоряется, судебный процесс стал более эффективным и быстрым, должна повышаться скорость реакции. Но цифровизация, доступность законодательной базы вызывают у обывателя ложное чувство простоты права, право в их глазах обесценивается. Ты можешь нажать кнопку и получить доступ к тексту любого закона. Граждане пытаются сами решать какие-то вопросы, требующие участия специалиста, но решают их неверно.

У меня был знакомый, который спрашивал: «Ну за что юристам платят деньги? Ведь в Гражданском кодексе все написано, мне ведь достаточно его прочитать, чтобы стать юристом?» Я ему отвечал: «Чтобы правильно прочитать Гражданский кодекс, нужно сначала стать юристом, неюрист не поймет, что там написано». Как себя сейчас лечат по интернету, так и решают юридические вопросы, не обладая профессиональными знаниями.

Доступность текстов вводит в заблуждение. Отсутствие адвокатской монополии на представительство в суде позволяет прийти в суд кому угодно и говорить что угодно. Это усложняет и замедляет процесс. Граждане думают, что прочитали закон и могут защитить себя, а на самом деле они зачастую утрачивают право защитить себя.

Например, в гражданском процессе доказательства должны представляться сторонами в суде первой инстанции. И если это не сделано вовремя, дело может быть проиграно. И если даже по существу вопроса ты прав, ты можешь навсегда утратить возможность восстановить свое право. Это как раз то, чего многие не понимают: бесповоротности, окончательности судебного решения. И порой обращаются за помощью, когда уже ничего сделать нельзя.

Вы адвокат, Вам приходится заниматься уголовными делами?

Как правило, это преступления «белых воротничков»: корпоративное мошенничество, налоговые дела.

Расскажу об одном из текущих проектов. Известный германский холдинг, являющийся одним из мировых лидеров в производстве высокотехнологичной электротехнической продукции, решил локализоваться в России, ввез в Россию передовое уникальное оборудование, построил завод в Казани, вложил в него десятки миллионов евро (и это в период санкций!), но стал жертвой мошенников, в результате чего был вынужден уйти с российского рынка. В настоящее время наша юридическая фирма представляет интересы германского холдинга в российских судах и правоохранительных органах, пытаюсь минимизировать последствия мошеннических действий и привлечь к ответственности виновных.

Более года назад в УВД по ЦАО г. Москвы возбуждено уголовное дело по [ч. 4](#) ст. 159 (мошенничество), но расследование ведется чрезвычайно медленно, если вообще ведется. Следователь УВД ЦАО В. А. Кузнецов фактически самоустранился, прокуратура ЦАО, видя очевидную волокиту, держит дело на контроле, но эффективно повлиять на него, видимо, не может... До полицейских начальников достучаться невозможно...

Нам пыталась помочь бизнес-омбудсмен по г. Москве Татьяна Минеева, это привело к некоторому всплеску показушной полицейской активности, который вскоре сошел на нет.

Лишь однажды более года назад мне удалось попасть на личный прием к начальнику УВД по ЦАО г. Москвы генералу И. В. Зиновьеву, как раз тогда и было возбуждено уголовное дело. Генерал обещал держать дело на контроле... Надеюсь, что сдержит обещание, приходится быть оптимистом!

В связи с этой историей неудивительно, что иностранные инвесторы боятся идти в Россию. Они не верят в российское правосудие, в российские законы, в наши правоохранительные органы, боятся произвола и коррупции. Неэффективность защиты бизнеса — одна из главных причин низкой инвестиционной привлекательности России.

У многих иностранцев сформировался взгляд на Россию — страна без правил, без права, где надо обо всем «договариваться». Поэтому зачем тратится на юристов, если юридические процедуры не работают? В связи с этим хочу сказать: все у нас работает. Не всегда все просто, не без проблем. Надо советовать иностранцам, чтобы они опирались на юристов, которые обладают опытом и не допустят произвола и злоупотребления, нарушения законодательства.

Лишь работая внутри системы, мы можем ее изменить к лучшему. Поэтому мы задействуем все имеющиеся в нашем арсенале рычаги правового воздействия, чтобы ситуация менялась к лучшему. Я верю, что справедливости в России можно и нужно добиваться правовыми методами.